

Глава 5

Прогулка с дьяволом по обители отчаяния

Газеты.

До этого момента Линь Уцзю было не до прессы. Проводив мистера Джонса, он выудил из почтового ящика ворох газет за последние дни и быстро нашел то, что искал.

Третья полоса «Утренних хроник» была почти целиком посвящена его делу. Репортер описывал всё — от обряда воскрешения с черной мессой на кладбище до штурма дома рыцарями Бюро по расследованию ереси — с такой живостью, будто сам стоял рядом и видел всё своими глазами.

«Лэнс Кавендиш, этот глупый и заносчивый юнец, наделен от природы взглядом мутным и безжизненным, точно у дохлой рыбы. В самом его облике сквозит некое дурное предзнаменование... По словам несчастной горничной, она годами терпела истязания от своего капризного молодого хозяина; однажды он даже силой удерживал её руки в кипятке... Теперь, когда на запястьях этого закоренелого грешника защелкнулись кандалы доблестных карателей, сей свирепый сектант наконец понесет заслуженную кару».

Линь «Взгляд дохлой рыбы» Уцзю: — ...

Не зря это место так напоминает Британию в другом мире — эта незаурядная фантазия явно в духе BBC.

Он отложил газету и устало потер переносицу. Беда не приходит одна.

Тут же объявился Джек. Демон так и лучился злорадством:

— Похоже, скоро ты станешь бродягой и будешь спать на улице.

Он замер в предвкушении, ожидая реакции Лэнса. Вспыхнет ли тот гневом? Начнет ли в отчаянии кричать? Или поникнет, не зная, что делать?

С самой их первой встречи Джек не находил себе места от того, что этот черноволосый юноша сохранял ледяное спокойствие. Демон мечтал увидеть его отчаяние, слезы и мольбы о пощаде.

Но Линь Уцзю снова его разочаровал.

Юноша невозмутимо отложил газету, пересек сад и толкнул калитку.

— Ты куда? — поспешил следом Джек.

— Обедать, — вяло отозвался Линь Уцзю, придерживая рукой пустой желудок. — Пусть хоть небо рухнет, сначала я должен наестся.

Джек фыркнул:

— Сам виноват. Не вздумай ты отправить тот донос, Бюро по расследованию ереси бы тебя не тронуло, и хозяин не выставил бы за дверь.

Линь Уцзю бросил на него мимолетный взгляд и усмехнулся:

— А ты бы в то время оставил меня в живых?

Мэри и впрямь была больна, но убил её вовсе не недуг. Как и того рыцаря, угодившего под карету, Линь Уцзю видел её смерть в предзнаменовании Джека. В тот миг взгляд демона не оставил сомнений: Лэнс должен был стать следующим. Донос был актом самообороны.

Джек с удивлением воззрился на него:

— А ты сообразительнее, чем кажется.

В золотистых вертикальных зрачках отразился хрупкий силуэт юноши. Демон осклабился, подмешивая в свой голос ядовитую сладость:

— Я убил твою мать. Не хочешь отомстить?

— Не интересно, — бросил Линь Уцзю, даже не обернувшись.

Тот, кто лишает жизни других, должен быть готов к тому, что однажды придут и за ним.

Джек смотрел на тонкую спину юноши со смешанным чувством.

«Он выглядит по-настоящему аппетитно»

В глубине души демона ворохнулось нечто темное и неясное.

— Почему ты не просишь меня о помощи? — внезапно предложил он. — Будь ты паинькой, я мог бы убить их всех. Тогда тебе не пришлось бы съезжать.

Линь Уцзю, чей характер из-за низкого сахара в крови стал портиться, огрызнулся:

— Тебе если заняться нечем, найди себе работу на заводе.

Он страдал от обычной шизофрении, а не от высокоуровневой социопатии с жаждой крови.

Джек задохнулся от возмущения:

— Ты еще пожалеешь!

Бросив на него полный ненависти взгляд, демон растворился в воздухе.

Линь Уцзю наконец вздохнул с облегчением. В ушах стало тихо.

***

На город опустилась ночь.

Вдоль дорог один за другим вспыхивали газовые фонари. Их приглушенное сияние вязло в сыром тумане, создавая вокруг мутные ореолы света, едва разгонявшие тьму мостовой.

Линь Уцзю прикрыл нос, медленно пробираясь сквозь этот «гороховый суп», то и дело заходясь в сухом кашле от едкой угольной пыли. Он молча наблюдал за этим миром. В этом сером мареве он чувствовал себя призраком, случайно забредшим к живым.

Где-то впереди затормозил омнибус. Из него, точно сардины из консервной банки, посыпались рабочие в засаленных куртках. Новоприбывший деревенский парень в обмотках смотрел на них с нескрываемой завистью.

Маленькая служанка, ростом едва доходящая Линь Уцзю до пояса, бежала в прачечную с охапкой грязного белья. Босоногие беспризорники копошились в мусорных кучах в поисках объедков, а только что выметенная мостовая уже покрывалась новым слоем копоты.

Из дверей ателье вышла юная аристократка в роскошном дорожном платье из яркого шелка. Пышный подол, украшенный перьями, колыбался при каждом шаге; опираясь на руку горничной, леди грациозно впорхнула в частный экипаж.

Лики этого мира были бесконечно разнообразны. Здесь, в Городе Санн, столице Империи Лайт, единственной истиной считался Бог Солнца, а Бюро по расследованию ереси было его карающей рукой.

Линь Уцзю снова закашлялся.

«Похоже, чахотка приберет меня раньше, чем Инквизиция»

Он поднял голову и улыбнулся. В бархатном ночном небе сияли три алые луны, образуя в вышине почти идеальный равносторонний треугольник. В оккультизме число «три» всегда имело особый смысл.

Да, он определенно попал в другой мир.

***

После визита в лавку в кармане Линь Уцзю осталась всего одна монета в полпенни.

Он опустился на скамью у дороги и принялся жевать хлеб, раздумывая о будущем. Пусть до конца аренды оставалось полмесяца, он не мог оставаться там, где его выгоняют, или унижаться, выбивая назад остаток денег. Это было бы слишком пошло.

Обыск Инквизиции оставил после себя руины, мебель была испорчена. По контракту арендатор обязан был возместить ущерб, так что мистер Джонс, не потребовавший компенсации, проявил великодушие. Истинным виновником было Бюро с их варварскими методами. Ну и репортеры, разумеется.

Глаза юноши сощурились, а улыбка стала шире.

Джеку стало не по себе. От этой улыбки веяло чем-то недобрым. За то короткое время, что они провели вместе, он уяснил: если Лэнс так скалится — кому-то скоро станет очень плохо.

— О чем ты задумался? — настороженно спросил он.

— О том, как мне заработать денег, — лениво отозвался Линь Уцзю.

— Ты ведь пишешь роман?

— Наивный ты ребенок, — Линь Уцзю погрозил пальцем. — Получение гонорара — процесс долгий.

Писательство могло приносить доход, но не сразу. В будущем авторы могли публиковаться в газетах и журналах, получая плату за каждую главу. Но в эту эпоху литературная периодика была редкостью. В девятнадцатом веке, с 1837 по 1870 годы, в Британии издавались тысячи романов, но лишь единицы выходили по частям.

Диккенс, заработавший тысячи фунтов на «Посмертных записках Пиквикского клуба», был исключением. Но он был Диккенсом. Остальным везло меньше.

В Империи Лайт ситуация была схожей. Книги считались предметом роскоши. Из-за их дороговизны процветали частные библиотеки с членскими взносами от пяти шиллингов до нескольких фунтов в год. Именно они были главными покупателями издательств.

Книги издавали трехтомниками — так их было удобнее выдавать в библиотеках. Автору же оставалось либо продавать авторские права целиком после завершения работы, либо издавать за свой счет.

— Чтобы такой безвестный новичок, как я, увидел свою книгу в печати, есть только один путь,
— недовольно проворчал Линь Уцзю.

Будь у него деньги, вариантов было бы больше. Первый — нанять литературного агента. Второй — пойти к профессиональному рецензенту при издательстве. Третий — издать за свой счет.

У него не было ни гроша, ни связей. Оставался только рецензент. Но и тут была загвоздка: нельзя прийти с парой глав. Нужно представить хотя бы несколько десятков тысяч слов, чтобы доказать свое мастерство и выбить достойный аванс.

Потому он сегодня и работал так усердно. Но выселение спутало все карты. У него осталось чуть больше двух фунтов. Жилье в трущобах стоило гроши, но для творчества ему нужен был покой и отдельная комната, а это стоило денег.

— Значит, придется найти временную работу, пока рукопись не принесет плоды, — подвел итог Линь Уцзю. — Завтра устроюсь в дешевый отель и начну искать постоянный угол.

В голове Джека роились вопросы. Почему гонорар так долго ждать? Что значит «один путь»? Почему он вдруг заговорил о другой работе? Демон чувствовал себя дураком, но гордость не позволяла переспрашивать. Он лишь молча сжал кулаки. Ему очень хотелось кого-нибудь ударить.

***

Линь Уцзю очнулся от своих мыслей, почувствовав аромат кофе и свежей выпечки. Горло непроизвольно сжалось. На другой стороне улицы он увидел освещенную тележку уличного торговца.

На ней громоздились скамьи, прилавки, котел с кипятком и жаровня. Запах жареных зерен смешивался со сладким ароматом сливочного масла. Это был ночной кофейный ларек.

Сухой хлеб показался Линь Уцзю безвкусным. Он уже давно не ел нормальной горячей пищи. В

тюрьме Инквизиции давали лишь кислый черный хлеб и прокисшую похлебку, которую не стали бы есть и свиньи.

Вчера дома он нашел в кухне кусок хлеба, а сегодня снова грыз сухомятку. Если подумать, последние дни он жил крайне паршиво.

Юноша подошел к ларьку.

Торговец, приземистый шатен, тут же засуетился:

— Желаете кофе и «пару тонких», господин? Всего за один пенни!

— «Пару тонких»? Это как?

— Ха-ха! Ломтики хлеба с маслом. Мы их так называем.

«Надо будет вставить это в текст»

Линь Уцзю пометил про себя этот нюанс и уточнил:

— А если по отдельности?

— По полпенни за каждое.

Линь Уцзю задумался. В кармане как раз лежала последняя монета.

— Дайте мне хлеб.

Тратить деньги на кофе не стоило — дома, может, еще найдутся зерна или заварка.

Внезапно рядом раздался хриплый женский голос:

— Хозяин, налейте молодому человеку кофе. Запишите на мой счет.

Линь Уцзю удивленно обернулся. Рядом с ним стояла женщина с рыжими волосами. Высокие скулы придавали её лицу оттенок суровости, а толстый слой белил не мог скрыть морщин у глаз. Однако теплый взгляд преображал её, делая похожей на добрую мать из романов.

На ней была темная хлопковая юбка, чистая, но старая, застиранная до белизны, с латками на

локтях.

Линь Уцзю на мгновение замер, а затем расплылся в нарочито легкомысленной улыбке:

— О, неужто я встретил добрую душу? Благодарю, сударыня, но не стоит. Я не жажду.

— Нынче выдалась холодная ночь, — мягко возразила женщина. Её взгляд украдкой рыскал за спиной юноши, словно она кого-то высматривала. Она явно кого-то ждала. — Выпейте горячего кофе, согрейтесь.

Торговец уже поставил чашку и хлеб на жаровню.

Линь Уцзю секунду изучал женщину, а затем скрыл свои мысли за маской беспечности. Он изящно поклонился, прижав руку к груди:

— Как джентльмен, я не могу позволить леди платить за меня.

— Пустяки, — рассмеялась она, продолжая оглядываться. — Подумаешь, полпенни. Беднее я не стану. А вы выглядите так, будто вам это нужнее.

Линь Уцзю знал, как выглядит со стороны: синяки на лице, мертвенная бледность от голода и дрожь в коленях от старых ран. Любая сердобольная женщина приняла бы его за умирающего.

Он покачал головой, но женщина вдруг просияла. Она тут же поспешила навстречу прохожему рабочему.

Линь Уцзю обернулся и увидел, как она преградила мужчине путь.

— Сколько?

— Десять пенсов, сударь.

— Слишком дорого. Ты уже стара. Восемь пенсов.

Женщина на миг заколебалась, а затем увлекла рабочего в тень узкого переулочка. Линь Уцзю ошеломленно замер. Он понял, кто она.

Она была уличной женщиной, проще говоря — проституткой.

— Ваш кофе и хлеб.

Линь Уцзю опустил взгляд на дымящийся заказ.

— Я не просил кофе.

— Ничего, — махнул рукой торговец. — Тина часто угощает людей. Она добрая женщина, только вот жизнь у неё тяжелая.

В туманной ночи вздох торговца прозвучал горько.

— Эх, судьба... — он поставил тарелку на стойку и посмотрел на алые луны. На его морщинистом лице отразилась вековая усталость. Он осенил грудь кругом и закрыл глаза: — Да пребудет с нами Господь.

— Так это и есть Царство Бога Солнца? — тихо спросил Линь Уцзю.

— Да, — серьезно ответил мужчина, закончив молитву. — Мы все — дети Бога Солнца, и Бог любит нас всех.

Джек — демон в облике ребенка — расправил черные костяные крылья, усыпанные шипами, и разразился истерическим хохотом.

«Ложь!» — казалось, в этом крике слились голоса тысяч замученных детей.

Обитель Бога одновременно была обителью абсолютного отчаяния.

Линь Уцзю молча осушил чашку. Кофе был невыносимо горьким. Он медленно жевал хлеб, дожидаясь, пока «добрая леди» закончит свою работу. Он не любил оставаться в долгу.

Минут через пять из переулка донесся пронзительный женский крик и грубая брань. Торговец вздрогнул:

— Что там такое?..

Прежде чем он успел договорить, черноволосый юноша сорвался с места. Его взгляд, ставший внезапно яростным, заставил торговца похолодеть. Линь Уцзю молнией метнулся в подворотню.

***

— Деньги! Отдавай деньги, мы договорились!

— Ах ты, дрянь, жить надоело?!

Мужчина снова замахнулся, но в этот миг камень обрушился на его затылок. Он рухнул на землю, потеряв сознание.

Линь Уцзю спокойно отбросил булыжник и протянул руку женщине:

— Вы целы?

Тина долго смотрела на него, не в силах осознать произошедшее. Наконец она робко ухватила за его ладонь и поднялась.

— Спасибо... спасибо вам... — лепетала она, дрожа.

— Не стоит, — Линь Уцзю мягко улыбнулся. — Считайте это платой за кофе.

В лунном свете его улыбка казалась такой искренней, что у Тины защипало в глазах. Она поспешно опустила голову, скрывая слезы. Когда она снова подняла взгляд, то была уже спокойнее.

— Он... он мертв?

— Пока нет.

Юноша небрежно пнул обмякшее тело. Его черные глаза в этот миг обладали пугающей силой. Тина на мгновение впала в оцепенение, пропустив его следующие слова, уловив лишь легкий тон.

— Что вы сказали?..

Юноша весело повторил:

— Я могу помочь вам избавиться от него. Считайте это бесплатным бонусом.

— Избавиться? Что?

Линь Уцзю с недоумением посмотрел на нее:

— Разумеется, от его трупа.

Тина вскрикнула от ужаса:

— От трупа?! Зачем?! Он же еще жив!

Наконец до неё дошел смысл его слов. Она задрожала еще сильнее, отчаянно махая руками:

— Нет-нет! Пожалуйста! Я не хотела его убивать!

«Боже правый! Кто он такой? Какой ребенок станет говорить об убийстве и сокрытии тела с такой легкостью?!»

— Ну, как знаете, — Линь Уцзю пожал плечами и присел на корточки. Он привычным движением выудил кошелек из кармана мужчины. Внутри была только мелочь. Юноша пересчитал монеты — всего семнадцать пенсов. — Тьфу, нищеврод.

Он отбросил пустой кошелек и протянул деньги женщине:

— Вам лучше не появляться здесь в ближайшее время. Этот мерзавец может затаить злобу.

Тина всё еще не могла прийти в себя. Она заикалась:

— Нет... не нужно так много... я просила всего восемь пенсов...

— Берите. Остальное пойдет на лечение. С подонками не нужно церемониться.

Поколебавшись, Тина взяла монеты и спрятала их в потайной карман юбки.

«Он просто пошутил, — убеждала она себя. — Такой славный мальчик не может быть хладнокровным убийцей».

— Спасибо вам большое, — снова прошептала она. — Вы добрый человек.

Добрый?

Линь Уцзю загадочно улыбнулся. Он просто не любил быть должным.

— Уже поздно, вам пора домой. И мне тоже.

Он лениво вернулся к ларьку, доел хлеб, забрал свой сверток и скрылся в тумане.

Джек в последний раз взглянул на сгорбленную фигуру женщины и беззвучно рассмеялся.

— Ха, как любопытно! Непробужденная ведьма... Докатиться до такой жизни — какая ирония!

Он уже предвкушал день её пробуждения. Это определенно будет кровавая баня.

Демон нагнал Линь Уцзю:

— Ты хоть знаешь, кто она?

— Женщина, которая угостила меня кофе, — рассеянно ответил тот.

— И только из-за этого ты ей помог? Неужто ты такой праведник?

Джек издевательски осклабился. В душе Лэнса Кавендиша было слишком много кровавых теней. Он убивал. И не один раз. Его душа была сложной и темной — истинный деликатес.

— Ох, Джек, неужто вы, демоны, совсем не цените женскую красоту? — голос Линь Уцзю звучал беспечно. — Позволить такой красавице страдать — это грех, за который и молнией получить недолго.

Джек возмущенно вскрикнул:

— Красавице?! Да она же старуха!

«Клянусь бездной, она ему в матери годится!»

— Для дьявола у тебя слишком мещанские представления о красоте, — голос Лэнса стал холоднее. Он усмехнулся: — Сынок, папочка в тебе разочарован.

Тут Джека прорвало.

— Я ТЕБЕ НЕ СЫН! Я ТЕБЯ УБЬЮ!

Демон в ярости расправил костяные крылья. Магическое давление обрушилось на Линь Уцзю. Пурпурный магический круг вспыхнул в воздухе.

Юноша глухо охнул, сглатывая кровь, подступившую к горлу. Он небрежно выудил что-то из кармана и, не глядя, бросил за спину:

— На, держи.

Джек настороженно взмахнул рукой, и предмет замер в воздухе. Это была леденцовая карамель в обертке.

— Все дети любят сладкое, не так ли? — хрипло бросил юноша, продолжая идти.

Джек замер. Он знал эти конфеты. Самый дешевый сахарный леденец по полпенни за штуку.

Магический круг погас. Давление исчезло.

Джек сорвал обертку и отправил конфету в рот. Дешевая сладость мгновенно растеклась по языку. Он помолчал, а затем прищурился и улыбнулся:

— Как сладко.

Демон и не подозревал, насколько его улыбка в этот миг была похожа на улыбку обычного ребенка.

<http://bllate.org/book/15857/1432196>